

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИЗВЕСТИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том LXII

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

5

МОСКВА · 1984

51

Г. Е. КРЕЙДЛИН, Е. В. РАВИЛИНА

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫХ СТРУКТУР СО СЛОВОМ *КАКОЙ*

В процессе анализа правильно построенного вопросно-ответного текста возникает естественное желание и, более того, необходимость выделить минимальную единицу такого текста. В лингвистических исследованиях, посвященных структуре диалога, в качестве такой единицы обычно выбирается вопросно-ответная пара (ср. [1, с. 299—313; 2, с. 441—466]). Однако понятие вопросно-ответной пары как минимальной единицы диалога выступает в качестве основного не только в лингвистических работах. Оно является центральным понятием эротетической логики, или логики вопросов и ответов [3], на него опираются в своих исследованиях специалисты в области информационного поиска и искусственного интеллекта [4—6]. Представители всех этих областей знания сходятся в том, что диалогический текст имеет принципиально иное строение по сравнению с обычным монологическим. В отличие от монологического текста диалог членится не на предложения, а на пары семантически связанных друг с другом предложений, одно из которых — вопрос, а другое — ответ на него.

Между тем не всякая пара связанных друг с другом предложений, состоящая из вопроса и ответа, может служить минимальной единицей связанного диалога: чтобы претендовать на роль минимальной единицы, она должна быть *замкнутой*. Замкнутую вопросно-ответную пару можно представлять себе как законченный текст, т. е. текст, не требующий продолжения. В пределах такого текста ответ на заданный вопрос должен быть прагматически адекватен. Имеется в виду, что он должен полностью удовлетворять спрашивающего, так чтобы у последнего не возникало потребности задавать дополнительные уточняющие вопросы. Например: (1) — *Отчего так темно?* — *Окна закрыты, барышня.* (2) — *Дома ли Григорий Иванович?* — *Никак нет, — отвечал слуга, — Григорий Иванович с утра изволили выехать.* (3) — *Чей ты?* — *Я дворовый человек господ Дубровских.*

В реальных текстах, однако, можно встретить не только замкнутые вопросно-ответные пары. Рассмотрим текст: (4) — *Что ты здесь делаешь?* — *спросил он грозно.* — *Не скажу, — отвечал мальчишка.* Этот диалог — типичный пример неудачного коммуникативного акта. Он, как принято сейчас говорить, проваливается (fails), и происходит это по причине неправильного речевого поведения отвечающего. Его реакция в этом случае — не ответ на вопрос, а уклонение от ответа, т. е. то, что Н. Белнап и Т. Стил называют в своей книге [3] *rejection of question*. Все диалоги с реакцией на модус вопроса (а не на его пропозитивное содержание) будут, как легко видеть, незамкнутыми.

Незамкнутые вопросно-ответные пары создают также диалоги с неполными ответами, такие, как: (5) — *Где вы так загорели?* — *На одном курорте.* Ответ *На одном курорте*, очевидно, не содержит всей той смысло-

вой информации, которая нужна спрашивающему. И тот далее пытается уточнить: — *На каком же?*

К незамкнутым вопросно-ответным парам относятся и пары с непрямыми ответами. В этом случае отвечающий предполагает, что его собеседник, получив такой ответ на свой вопрос, сумеет самостоятельно провести нетривиальную цепочку умозаключений (как правило, более чем одноэлементную) для извлечения всей необходимой ему информации — информации, которая не представлена в ответе в явном виде. Само собой разумеется, что в данной ситуации спрашивающему бывает легче задать еще один, дополнительный, вопрос, чем производить в уме все логические операции. Ср. пример такого диалога: (6) — *Где начальник?* — *Он только что вышел. — Куда?*

З а м е ч а н и е. Если для диалогов типа (4) их отдаленность от замкнутых вопросно-ответных пар не вызывает никаких сомнений, то уже для диалогов типа (5) и (6) граница между незамкнутыми и замкнутыми вопросно-ответными парами куда менее определена. Коммуникативная неудача диалога сразу выводит его из кандидатов на роль основной единицы правильно построенного текста. Не так обстоит дело с диалогами, содержащими незамкнутые или не прямые ответы. Далеко не идеальные в коммуникативном отношении, они все же не могут быть отнесены к случаям полного коммуникативного провала. Выявление степени прагматической приемлемости, распознавание тех фрагментов диалога, которые создают «коммуникативный шум», и, наконец, описание путей и средств перевода таких вопросно-ответных пар в разряд замкнутых требуют специального исследования.

В дальнейшем мы рассматриваем лишь безусловно замкнутые вопросно-ответные пары, т. е. с полными, удачными и прямыми ответами.

1

Для обсуждения ряда проблем, связанных с семантическим анализом замкнутых вопросно-ответных пар, были выбраны диалоги с вопросительным словом *какой*. Этот выбор не должен казаться случайным: вопросы со словом *какой* постоянно служат тем материалом, на котором проверяются различные семантические концепции и гипотезы, так или иначе относящиеся к анализу вопросительных предложений. (Из работ последнего времени на эту тему отметим лишь [3, 7, 8].)

Вопрос с *какой* традиционно толкуется как «вопрос о качестве, свойстве чего-либо» [9, т. II, с. 19]¹. Думается, что такое неполное представление о семантике предложений с вопросительным местоимением *какой* во многом объясняется тем, что они изучались изолированно, вне диалогических единств.

Между тем как раз анализ замкнутых, в смысловом отношении законченных вопросно-ответных пар и дает основание для категоричного утверждения о неадекватности такого описания семантики вопросов с *какой*. В частности, абсолютно не ясно, как с помощью такой «признаковой» интерпретации предложений со словом *какой* можно было бы объяснить неудачность (в ситуации нормального общения) следующих диалогов: *(7) — *В каком классе ты учишься?* — *В дружном*². *(8) — *Какой вопрос*

¹ Ср. также: «Вопросительные местоимения обобщенно обозначают основные категории мышления: предметы (кто, что), качества (какой, каков), принадлежность (чей),...» [10, с. 286].

² Звездочка перед номером примера означает неправильность диалога в целом (о разновидностях неправильных диалогов см. ниже). Звездочка перед предложением означает неправильность только этого предложения.

она за
одного
концер
Вол
ванияг
просит
но яз
несмот
Оси
росно-
ные д
пенин
Куда и

Так
аномал
нем сл
ордина
ность з
в ответ
ческая

Что
тая фр:
одного
именис
тов, пр
актер
ные ди

В шко.
(оба пр
Он иде.
вильно
ная ст

вопрос
ские х
ла дол:

В прот
ны, их
В о
*(13) —
(10), об

русски
той пр
тческо
(10): се
ванным

му зад:
ных ди
ковой»
изложе
некорр
ного» и

а в о п
Не
ветных
лингви
правил
информ

она задала? — Странный. *(9) — Вы к нам из какого учреждения? — Из одного серьезного. *(10) — Какого писателя мы с тобой видели вчера на концерте? — Очень талантливого (известного, французского).

Вопросно-ответные пары (7) — (10) отвечают тем семантическим требованиям, которые предъявляют к ним имеющиеся в словарях толкования вопросительного местоимения *какой* (*дружный, странный...* — это несомненно языковые обозначения качества, свойства соответствующих имен), но, несмотря на это, явно неудовлетворительны.

Остановимся подробнее на некоторых важных особенностях этих вопросно-ответных пар. Прежде всего подчеркнем, что перед нами неправильные диалогические предложения в их составе. В этом отношении диалогам (7) — (10) противопоставлен, например, диалог (11): — *Куда идет Петя?* — *В потолок.*

Такой текст интерпретируется как бессодержательный, семантически аномальный, граничащий с неправильностью грамматической, или, в крайнем случае, как правильный, но описывающий исключительную, экстраординарную ситуацию. При этом в отличие от пар (7) — (10) неправильность здесь локализована в одном только члене вопросно-ответной пары — в ответе, ср. предложение: *Петя идет в потолок*, где нарушены семантическая сочетаемость и семантическое согласование актантов.

Что же касается примеров (7) — (10), то в них каждая отдельно взятая фраза абсолютно корректна, ср. *Я учусь в дружном классе, Я к вам из одного серьезного учреждения* и под. Иными словами, здесь мы имеем дело именно с неправильностью диалога в целом, а не отдельных его компонентов, причем неправильность носит явно выраженный семантический характер: грамматически каждая из фраз в (7) — (10) правильна. Этим данные диалоги отличаются от диалогов типа: *(12) — *Откуда он идет?* — *В школу.* Последний, являясь, как и (7) — (10), диалогом неправильным (оба предложения — вопрос и ответ со всех точек зрения корректны, ср. *Он идет в школу*), служит иллюстрацией грамматически правильного текста. В составе такого рода вопросно-ответных пар формальная структура второго компонента во многом предопределена структурой вопроса. В частности, формой вопроса могут диктоваться морфологические характеристики лексем в ответе. Так, в примере (12) лексема *школа* должна стоять в родительном падеже с соответствующим предлогом. В противном случае (12), диалог (7) — (10) грамматически безупречны, их неправильность имеет другую, семантическую, природу.

В одном ряду с диалогами (7) — (10) стоят несвязные диалоги типа: *(13) — *Зачем ты пишешь это письмо?* — *Я пишу ручкой.* Как и в (7) — (10), оба члена пары представляют собой со всех точек зрения правильные русские предложения. Бессвязность диалогического текста возникает по той причине, что семантическая структура ответа не согласована с семантической структурой вопроса. Точно так же обстоит дело с парами (7) — (10): семантические структуры вопроса и ответа оказываются несогласованными, а ответ предстает как неадекватный по отношению к смысловому заданию вопроса. Если согласиться с такой интерпретацией разобранных диалогов, то тогда, видимо, естественно будет отказаться от «признаковой» интерпретации *какой*-вопросов — в том ее виде, в котором она изложена в грамматиках и словарях. Уже одно только выявление причин некорректности диалогов типа (7) — (10) требует гораздо более подробного и тщательного семантического анализа — причем не вопросов, а вопросно-ответных пар со словом *какой*.

Не претендуя на исчерпывающее семантическое описание вопросно-ответных пар с *какой*, мы в данной работе поставили себе цель выявить типы лингвистической информации, необходимой для построения множества правильных ответов на заданный *какой*-вопрос, и показать, как вся эта информация используется при формировании множества ответов.

Основной синтаксической формой вопросительного предложения со словом *какой* является структура вида *Какой XP?*, где *P* — предикат, служащий синтаксической вершиной предложения, а *X* — именная группа, вершина которой синтаксически подчиняет себе слово *какой*.

З а м е ч а н и е. Другой тип предложений с вопросительным *какой* представлен структурой *Какой N₀X?*, где *N* — существительное или местоимение в синтаксической функции подлежащего; *0* — нулевая связка-сказуемое; *X* — имя в функции предикативного члена. Например: *Какой она человек?*; *Какой он <из себя>?*.

В последнем примере позиция присвязочного члена синтаксически незаполнена. В таких случаях можно наблюдать омонимию двух синтаксических структур — *Какой N₀?* и *Какой XP?*, при *P = 0*. Так, фраза *Какая Маша?* может, вообще говоря, осмысляться двояко, соответственно ≈ 'О какой Маше идет речь?' и 'Какова Маша из себя?'.

К сожалению, объем статьи не позволяет нам остановиться на семантическом анализе структуры *Какой N₀X?*

Если синтаксически слово *какой* подчинено *X*, то семантическое подчинение этих лексем, как и у большинства прилагательных, обратно синтаксическому: операторное слово *какой* семантически подчиняет себе *X* (т. е. *X* составляет семантическую сферу действия *какой* [11]). Это означает, говоря неформально, что *какой*-вопрос ставится к *X*.

На языке эротетической логики сказанное может быть переформулировано в виде утверждения о том, что при ответе на данный вопрос происходит в ы б о р (по некоторой, задаваемой вопросом инструкции) элемента из множества заданных лексемой *X* объектов (см. [3] и библиографию к этой книге). Так, в примере (14): — *А фамилия Михельсон вам нравится?* — *Какой Михельсон? Сенатор?* — *Нет. Член союза сотворслужащих.* — происходит выбор одного конкретного человека по фамилии Михельсон из множества людей, носящих ту же фамилию. Правильность впервые выдвинутого логиком тезиса о выборе подтверждается, например, следующим языковым фактом. В ситуации, где нет и не может быть выбора объекта из некоторого множества (т. е. в случае единственности альтернативы), вопрос со словом *какой* невозможен, см.: (15) ?*Какое тождество этих объектов. . . ?* (16) ?*Какое жало сатиры. . . ?* Отсюда же вытекает и недопустимость (не в цитатном употреблении) сочетаний типа **Какой единственный X?* **Какие всякие X. . . ?* **Какие некоторые X. . . ?*, **Какие многие X. . . ?* и под.

Итак, мы видим, что для построения правильного вопросительного предложения со словом *какой* необходима семантическая информация о существовании множества, из которого должен быть произведен выбор объекта (в дальнейшем — множество выбора). Эта информация составляет семантическую пресуппозицию правильного вопроса *Какой XP?*

Идея логиков, что существование *какой*-вопроса — это выбор в ответе альтернативы из некоторого множества, представляется нам чрезвычайно плодотворной. Однако логический анализ, на наш взгляд, оставляет в стороне такие существенные аспекты вопросно-ответных структур, как природа множества, из которого производится выбор, и собственно механизм этого выбора.

Начнем с характеристики множества выбора. Как уже было сказано, существование такого множества входит в пресуппозицию всякого вопроса *Какой XP?*, причем каждый его элемент есть объект из класса объектов, носящих имя *X*. Эти объекты могут иметь двоякую природу: среди них есть как множества, так и объекты, не являющиеся множествами. На воп-

рос: (17) *Каких способов: 1)*

При первом множестве, состоящем из множества. Удостоверения явс. 25—31]. Спредставлении чит, что каждая соотносительность в ряду денотативных и рюющей конкретный попавший в обой статус илным объектом 14, с. 24—31]

В примере кретно-реферет *Наш слон Ишак*). Анализ *солдаты сами*

Таким образом избежать в же синтаксическую возможность и депотативных ствительно, а гласования де крупные, чем имени, входящие гласован с дебования привосту. Ср., нацном? — *Моби*, тема вопроса конкретно-рефер

Резюмируя строенным по множеству, обдепотативную характеристик пресуппозиции семантической и ветных нар*

Э к с к у р выбора объект нии предложени Иными словам ставляется как к о в а я конс жется тяжело

Возникает ций *Какой XP* предложений презумпция с там и там, осуд го свойством

рос: (17) *Какое животное самое выносливое?* можно ответить одним из двух способов: 1) — *Наш слон Соня.* 2) — *Ишак (или: Ишаки).*

При первом способе прочтения множество выбора предстает как множество, состоящее из единичных объектов; при втором — как множество множеств. Удобным аппаратом описания такого смыслового противопоставления является понятие денотативного статуса [12, с. 25—31]. С точки зрения теории денотативных статусов семантическое представление всякого предложения денотативно ориентировано. Это значит, что каждая именная группа в предложении получает помету о типе соотношенности с внеязыковым объектом или о ее денотативном статусе. В ряду денотативных статусов выделяются, в частности, конкретно-референтный и родовой. Первый приписывается именной группе, обозначающей конкретный объект, идентифицируемый среди других объектов, попавший в общее поле зрения говорящего и слушающего. Второй, родовой статус имеют именные группы, соотносящиеся с некоторым эталонным объектом; таковы, в частности, видовые имена (см., например, [13; 14, с. 24—31]).

В примере (17) имя *животное* прочитывается либо как имеющее конкретно-референтный статус (и этому прочтению способствует первый ответ *Наш слон Соня*), либо как родовое имя (ср. ответ второго типа — *Ишак*). Аналогичная ситуация представлена диалогом: (18) — *Какие солдаты самые храбрые?* 1) — *Денисов, Иванов и Беридзе.* 2) — *Русские.*

Таким образом, использование понятия денотативного статуса позволяет избежать выделения двух семантических типов вопросов с одной и той же синтаксической структурой *Какой XР?* Кроме того, это решение дает возможность несколько более общо взглянуть на проблему согласования денотативных статусов различных синтаксических групп [12, 15, 16]. Действительно, анализ вопросно-ответных пар показывает, что принципы согласования денотативных статусов следует распространить и на более крупные, чем предложения, единицы языка. Так, денотативный статус имени, входящего в тему вопроса (здесь — лексема X), должен быть согласован с денотативным статусом имени в ответе. Нарушение этого требования приводит к неправильно построенному вопросно-ответному тексту. Ср., например, *(19) — *Какое млекопитающее питается планктоном?* — *Моби Дик.* Аномалия тут вызвана тем, что имя *млекопитающее* — тема вопроса X — стоит в родовом статусе, а в ответе на место X выбрана конкретно-референтная именная группа.

Резюмируя сказанное выше, подчеркнем, что со всяким вопросом, построенным по модели *Какой XР?*, связана презумпция существования множества объектов, каждый из которых имеет имя X и ту же, что и X, денотативную характеристику. Сведения о тождестве денотативных характеристик соответствующих именных групп в вопросе и ответе, как и презумпция о наличии множества выбора, являются необходимой семантической информацией при формировании правильных вопросно-ответных пар рассматриваемого вида.

Э к с к у р с (о соотношении *какой* и *какой из*). Семантическая идея выбора объекта из некоторого множества может быть отражена в толковании предложений *Какой XР?* с помощью семантического элемента \approx 'из'. Иными словами, предложение *Какой XР?* на семантическом уровне представляется как *Какой из XР?* В то же время, однако, существует и языковая конструкция *Какой из XР?* ср. (20) — *Какой из мешков тебе кажется тяжелее?* — *спросил купец.* — *Вот этот,* — отвечал юноша.

Возникает вопрос: есть ли какое-нибудь смысловое отличие конструкций *Какой XР?*, толкуемых как 'Какой из XР?', и естественно-языковых предложений *Какой из XР?* Ведь и в тех и в других предложениях имеется презумпция существования некоторого заданного множества объектов, и там и там осуществляется выбор из этого множества объекта, обладающего свойством P. И все же по крайней мере в одном эти конструкции не-

сходны — различие касается способа организации множества выбора.

Если вопрос *Какой из ХР?* диктует представление о поэлементном устройстве множества — оно задается как бы перечислением всех элементов, то в вопросе *Какой ХР?* способ задания множества выбора никак не выражен. Ср. *Какие числа делятся на три?* и? *Какие из чисел делятся на три?* На первый вопрос можно ответить двумя способами, в зависимости от интерпретации именной группы *чисел*. Если считать, что она в родовом статусе, то можно ожидать ответы типа: *На три делятся числа, сумма цифр которых делится на три*. Если же полагать, что эта именная группа конкретно-референтна (например, если имеется какой-то ряд чисел, написанных на доске, и говорящий именно про эти числа спрашивает: «Ну, скажи, Петров, какие числа делятся на три?»), то в ответе должны быть предъявлены конкретные числа.

Второй вопрос семантически правомерен лишь в ситуации, когда множество чисел, из которых надо назвать делящиеся на три, эксплицитно перечислено. Поэтому желательно или даже почти обязательно, чтобы в предложениях *Какой из ХР?* содержались языковые единицы, указывающие на перечислимость множества выбора, ср.: *Какие из этих (написанных на доске, данных в задаче и т. п.) чисел делятся на три?*

3

До сих пор мы говорили только о множестве выбора и его природе. Остановимся теперь на вопросе о том, как происходит сам выбор необходимого объекта из множества.

В логической литературе был предложен концептуальный аппарат для описания этого процесса, и в частности понятие эротетически связанной, или вопросительной, переменной (*queriable*), т. е. переменной, «связанной самим оператором вопроса» [3]. Это понятие было в дальнейшем использовано в работах других логиков [17, с. 69—94] и лингвистов [18, с. 253—265]. Во всех известных нам исследованиях эротетически связанные переменные служили конструктивным элементом логической формы вопроса, которую лингвисты, занимающиеся логическим анализом языка, отождествляли с семантическим представлением вопроса. Говоря неформально, эротетически связанная вопросительная переменная указывает на объект, о котором поставлен вопрос. Так, вопросительному предложению (21) *Где родился П. И. Чайковский?* соответствует следующая логическая запись с эротетически связанной вопросительной переменной x : \approx «Назови место x , такое, что П. И. Чайковский родился в месте x ».

Попытаемся теперь определить, какие элементы предложения *Какой ХР?* могут быть эротетически связаны. Казалось бы, единственный кандидат на роль вопросительной переменной здесь X . Однако на самом деле функция этой единицы в вопросах рассматриваемого типа иная: X только указывает на множество выбора, а самой вопросительной переменной в предложении непосредственно не содержится. Ср. вопрос (22) *Какая фабрика выпускает эту продукцию?*, где от слушающего требуется выделить некоторый связанный с множеством X (здесь — множество фабрик) параметр и назвать объект, характеризующийся определенным значением этого параметра. Параметр, в соответствии с которым строится ответ (собственное имя, ср. «*Большевичка*», «*Знамя труда*» и под.; название по виду выпускаемой продукции, ср. *кондитерская*, *обувная* и др.), и будет в этом предложении эротетически связанной переменной.

На наш взгляд, без алгоритма поиска в предложении вопросительных переменных не может обойтись ни один сколько-нибудь полный семанти-

ческий анализ. Такой анализ является основой понятия (1331). Сущность понятия к у всего к семантическому анализу существующих: теперь, что данного отские и воп эти связи в все множественных вопросов м выявляется

Вернемся к вопросу о переменной в вопросах

Рассмотрим и покажем, толкование для этим имя X -раск объекта («ч

Точно так же в Москве национальные со СССР — и соревнован

Небезысходно с им лютно нец территории Тщательный вает. СССР вильно бы. заполняет

«Показав вопрос, буд гольного и спрашивае ваются сем ного предс неправильный, Неве рос о каче нельзя по

Разберем (Где и)

³ Все р литературы

⁴ Здесь актант (участвуется).

аци и мно-
о элемен-
тисленем всех
жества выбора
Какие из чисел
я способами, в-
лп считать, что
а три делятся
лагать, что эта
местся какой-то
эти числа спра-
?»), то в ответе

тип, когда мно-
и, эксплицитно
ательно, чтобы
диницы, указы-
кие из эти х
иче и т. п.)

и его природе.
выбор необхо-

ий аппарат для
сетически
ременной
м вопроса» [3].
ругих логиков
ных нам исслед-
онструктивным
орую лингвист-
яли с семанти-
тетически свя-
о котором по-
.) Где родился
апись с эроте-
ви место x, та-

ожения Какой
иственный кан-
на самом деле
ная: X только
переменной в
22) Какая фаб-
ется выделить
фабрик) пара-
ым значением
строится ответ
руда» и под.;
у к ц и, ср.
и эротетически

просительных
льный семант-

ческий анализ вопроса. Дело в том, что понятие вопросительной переменной является формальной экспликацией столь важного содержательного понятия, как идея или суть вопроса (ср. термин about(ness) [19, с. 109—133]). Существенно, что при создании такого алгоритма приходится обращаться к уровням разной глубины представления предложения, и прежде всего к семантическому уровню. В свою очередь всякий семантический анализ предполагает выявление всех семантических переменных, соответствующих актантам предикатных слов в составе предложения. Допустим теперь, что мы умеем находить все множество семантических переменных данного отрезка текста. Тогда оказывается, что, во-первых, семантические и вопросительные переменные связаны между собой и, во-вторых, эти связи настолько регулярны, что во многих случаях удается получить все множество вопросительных переменных исходя из множества семантических переменных. Более того, выясняется, что для некоторых типов вопросов можно указать, когда множество вопросительных переменных выявляется полностью, а когда лишь частично.

Вернемся к вопросам *Какой X P?*, для которых, как уже было сказано, вопросительная переменная непосредственно связана с именем X. Предполагая наличие корреляции между вопросительными и семантическими переменными, естественно начать поиск вопросительных переменных в вопросах этого типа с выявления семантических актантов лексемы X.

Рассмотрим первым делом примеры, когда X — отпредикатное имя, и покажем, что ответами на *какой-вопрос* бывают значения переменных в толковании X. Ср (23). — *Какие раскопки на территории Москвы проводил этим летом Институт археологии?* — *Раскопки Кремля*³. Здесь имя X-раскопки имеет в вопросе незаполненную валентность со значением объекта ('что раскапывали'). Эта валентность и заполняется в ответе.

Точно так же вопросно-ответная пара (24) — *Какие соревнования пройдут в Москве в июле этого года?* — *В июле в Москве будут проведены финальные соревнования участников VIII летней Спартакиады народов СССР* — иллюстрирует заполнение первой и второй валентностей имени соревнования именной группой *участники VIII летней Спартакиады...*⁴.

Небезынтересно, что в этих примерах ответы о качествах и свойствах X-а, т. е. именно те ответы, которые следовало бы ожидать в соответствии с имеющимися словарными и грамматическими описаниями, абсолютно неприемлемы; ср. неправильные пары: *(23) — *Какие раскопки на территории Москвы проводил этим летом Институт археологии?* — *Тщательные (длительные, интересные...)* *(24) — *Какую помощь оказывает СССР слаборазвитым странам?* — *Большую (бескорыстную...)* (правильно было бы: *строит заводы, фабрики, электростанции...*, т. е. когда заполняется валентность 'содержание <помощи>').

Показательна также дефектность предложений типа *(25) — *Какой вопрос, будет ли сегодня пенге, задал Петя учительнице?* Здесь у отглагольного имени *вопрос* заполнены все семантические валентности ('кто спрашивает', 'кого' и 'о чем'), поэтому подобные *какой-вопросы* оказываются семантически аномальными. Очевидно, что в рамках традиционного представления о *какой-вопросе* факт отмеченной синтаксической неправильности объяснен быть не может: ведь возможность ответов *Глупый, Невежливый, Странный* и др., т. е. «признаковых» ответов на вопрос о качестве, здесь остается, и тем не менее вопрос (25) и ему подобные нельзя поставить.

Разберем еще несколько любопытных примеров: (26) — (29). (26) — *Где и по какому проекту будет сооружен памятник А. В. Су-*

³ Все разбираемые ниже примеры заимствованы из произведений художественной литературы и из периодики.

⁴ Здесь реализована взаимная диатеза слова *соревнование*: один синтаксический актант (*участники*) соответствует двум семантическим ('кто соревнуется' и 'в нем соревнуется'). О понятии взаимной диатезы см., например, [20, с. 231].

ворову? — Памятник А. В. Суворову сооружается на площади Коммуны у театра Советской Армии. Авторы проекта памятника — скульптор О. Комов, архитектор В. А. Пестеров. С точки зрения «канонических» представлений о вопросительных предложениях с местоимением *какой* приведенный ответ должен был бы выглядеть абсолютно нелепым — ведь не указываются ни качества проекта, ни его признаки. Однако языковая интуиция вовсе не восстает против такого ответа. Кажущийся парадокс разрешается при более глубоком проникновении в структуру вопросно-ответных пар. Проект как отглагольное имя неуместно ('кто проектирует', 'что проектирует'). В вопросе уже заполнена вторая валентность (памятник А. В. Суворову), и в ответе заполняется оставшаяся незаполненной первая (авторы проекта...). Остановимся теперь на примере (27) — *Какие же меры вы приняли, чтобы поймать этого убийцу? — Меры вот какие. Взял я на кухне свечку...*

У предиката *меры* наряду с другими семантическими валентностями есть валентность 'содержание <мер>' ('в чем состоят меры'), которая при поверхностном выражении никогда не бывает синтаксически непосредственно связанной с этим предикатом. Данная валентность выражается лишь синтаксически опосредованно, например: *Меры по поддержанию порядка в городе, состоящие в том, что <повсюду> патрулируют отряды народной милиции*. Такое поверхностное ограничение на способ оформления семантической валентности предикатного имени, по всей видимости, несущественно при построении правильных ответов на вопрос с *какой*: гораздо более важной оказывается семантическая структура лексемы X. С другой стороны, адекватное описание правильно построенных вопросно-ответных пар способствует в ряде случаев раскрытию истинной семантической структуры предикатного имени. Например, правильность диалога (27) служит косвенным подтверждением наличия семантической валентности содержания у слова *меры*. Ср. также следующий диалог с именем *дело*: (28) — *<Есть к вам одно дело>. — Какое дело? — Меня послали, чтобы Вас сегодня вечером пригласить в гости.*

Существование у слова *дело* валентности 'содержание' ('в чем состоит дело') косвенно подтверждается правильностью этого диалога. Вот еще один пример нетривиальной вопросно-ответной пары: (29) — *<Сколько салютов было произведено в Москве за годы войны?> Какие были первые? — Вы рвые Москва салютовала нашим доблестным войскам, освободившим города Орел и Белгород, двенадцатью артиллерийскими залпами из ста двадцати орудий*. Перед нами абсолютно полный и исчерпывающий ответ на *какой*-вопрос, относящийся к отглагольному имени *салют*, — заполнены все семантические валентности этого слова, ср. САЛЮТОВАТЬ (кто, кому, за что, чем, из чего). Такие исчерпывающие ответы достаточно редки; обычно отвечающий ограничивается заполнением одной-двух валентностей многоместного предикатного имени, как в примере: (30) *В какую командировку едет Василий Львович? (а) — В Ленинград. (б) — За запчастями. (в) — В правительственную. (г) — В длительную, на три месяца.*

Являются ли равноправными и равновероятными возможные в такой ситуации варианты ответа? Оказывается, что нет. Преимуществом среди прочих пользуется валентность содержания, а реже всего (из ряда нескольких незаполненных валентностей) выбирается валентность субъекта. Отсюда, однако, вовсе не следует, что заполнение наименее приоритетной валентности субъекта не может быть ответом на вопрос со словом *какой* (ср. пример (26)). А это, в свою очередь, означает, что вопросы с *какой* устроены принципиально иначе, чем все другие частные вопросы. В самом деле, в вопросах со словами *где, куда, сколько, когда* и др. ответы жестко связаны с одной (для каждого вопроса своей) семантической валентностью имени в сфере действия вопросительного слова. В ответах на вопрос с *где* заполняется валентность места, на вопрос с *когда* — валентность

времени
выбора.
вообще

Таки
равнопра
нии: воп
вопроси
образе
ответны
каждый
тие воп
изолиро
взгляд,
ных пред
перенес
ских опи
синоним
ми слова
Межд
нение ра
ва «закр
предполс
с другим
множест
На море
письмо?

Итак,
можем с
логом с
актантно
семантич
вообще г
ответов
можно бе
полнител
лиза диа.

Переи
имя X в
случае с
группы с
к некото
ник наши
(река, ст
ний (фаб,
семантич
ры вопро
кой фран
(34) — К
линг-Онн.

Из эт
во X-а
Предпоч
[ср. (33),
Анализ
А на как

времени и т. д. Между тем вопросы с *какой* отличает необычайная свобода выбора. Отвечающий на вопрос *Какой ХР?* имеет возможность заполнить, вообще говоря, любую из семантических валентностей *X-a*.

Таким образом, тезис традиционной грамматики о семантическом равноправии частновопросительных предложений явно нуждается в уточнении: вопрос со словом *какой*, очевидно, выпадает из всего ряда частновопросительных предложений. Но обнаружить такое семантическое своеобразие *какой*-вопросов можно, лишь анализируя их в составе вопросно-ответных пар, т. е. располагая множеством альтернативных ответов на каждый вопрос с *какой*. Традиционная грамматика, не опираясь на понятие вопросно-ответной пары, а рассматривая вопросительные структуры изолированно, безотносительно к ответам, не продвинулась, на наш взгляд, дальше замечаний о синтаксическом сходстве частновопросительных предложений, которые она непосредственно и не вполне обоснованно перенесла на семантику. Поэтому, в частности, до сих пор в грамматических описаниях русского языка даже не ставился вопрос о контекстной синонимии предложений с *какой* и предложений с прочими вопросительными словами.

Между тем если нам известно, что *какой*-вопрос ориентирует на заполнение разных семантических валентностей, а другие вопросительные слова «закреплены» каждое за одной определенной валентностью, то можно предположить, что найдутся случаи равнозначности диалогов с *какой* и с другими вопросительными словами. И действительно, таких примеров множество — см. (31) и (32). (31) — *Какой отдых вы предпочитаете? — На море. Ср. — Где вы предпочитаете отдыхать?* (32) — *Ты получила письмо? Какое? — От брата. Ср. — Ты получила письмо? От кого?*

Итак, подробно рассмотрев *какой*-вопрос к отпредикатным именам, мы можем с уверенностью утверждать, что при построении правильных диалогов с такого рода вопросами необходимо располагать информацией об актантной структуре отпредикатного имени и обо всех его незаполненных семантических валентностях. Но использование этой информации еще, вообще говоря, не обеспечивает получение всего множества правильных ответов на заданный *какой*-вопрос. Решение этой последней задачи невозможно без привлечения сведений другого рода. Какова природа этой дополнительной информации, станет ясно в дальнейшем, в результате анализа диалогов с именами иной семантической природы.

4

Перейдем теперь к разбору более трудных для анализа случаев, когда имя *X* в структуре *Какой ХР?* не является отпредикатным. Где в таком случае следует искать вопросительную переменную? Начнем с большой группы существительных, объединяющей названия лиц, принадлежащих к некоторому определенному социальному коллективу (*писатель, сотрудник нашего отдела, футболист...*), названия географических объектов (*река, страна, лес, область, улица...*), названия предприятий, учреждений (*фабрика, кафе, театр...*) и, быть может, некоторые другие лексико-семантические классы существительных. Рассмотрим следующие примеры вопросно-ответных пар, содержащие слова такого рода: (33) — *Какой французский писатель венчался в Бердичеве? — Бальзак. (*Великий).* (34) — *Какой ученый открыл явление сверхпроводимости? — Г. Камерлинг-Оннес. (*Нидерландский, *лауреат нобелевской премии).*

Из этих примеров ясно, что и здесь «признак, свойство или качество *X-a*» не всегда могут служить ответом на вопрос со словом *какой*. Предпочтительным, а в большинстве случаев и единственным возможным [ср. (33), (34)] является указание в ответе имени лица.

Аналогичная ситуация имеет место и в диалогах (35) — (39): (35) — *А на какой улице вы жили? — На Старой Басманной.* (36) — *Какие же*

государства и какие города Европы вы осчастливить хотите? — Конечно, Париж, я уж туда давно собираюсь. (37) — А из какого штата Вы приехали? — Из Калифорнии. (38) — Какая кондитерская фабрика выпускает торт «Отелло»? — «Ударница». (или: Кондитерская фабрика № 2).

Как и в примерах (33), (34) с названиями лиц, в (35) — (38) наиболее предпочтительно указание в ответе названий учреждений, географических пунктов и т. д. Следовательно, для правильного ответа на подобные вопросы необходимо иметь сведения о наличии у определенного круга объектов имен или названий. По-видимому, обладание названием (именем) является универсальным свойством таких слов, и оно должно быть так или иначе отражено в виде особого рода семантической информации, приписываемой лексеме X в словаре. Не исключено, что такая информация могла бы составить отдельную семантическую валентность, которую можно было бы назвать *автономной*⁵. Представление этой семантической информации как валентности позволяет соотнести только что разобранные примеры с теми случаями, когда имя X — отпредикатное. В этой связи вновь встает проблема о границе между предикатными и непредикатными именами. Сказанное выше демонстрирует, что граница эта во всяком случае достаточно условна.

З а м е ч а н и е. Для некоторых слов функциональную роль имен или названий могут играть номера — количественные или порядковые числительные, ср. *первый этаж, дом восемь дробь один, 1941 год, глава вторая* и под. Номер, как и имя, служит ориентиром в некотором множестве объектов, однако если имя индивидуально и раз и навсегда закреплено за объектом (факт совпадения имен следует рассматривать как случайный), то номера принципиально не индивидуальны. Так, первый этаж обязательно есть в любом многоквартирном доме. Номера приобретают статус имен только в пределах некоторого замкнутого упорядоченного множества: например, седьмой этаж — во множестве этажей данного дома, подъезда; § 6 — во множестве параграфов данного текста и т. п.

Между тем далеко не все множества однородных объектов упорядочены, как, например, упорядочены дома на улице, где каждый дом имеет свой номер, или как строчки в печатном тексте. Так, неупорядочены множество деревьев в лесу, множество стен в комнате и пр. Информация о том, *структурировано* ли множество объектов с именем X, должна быть зафиксирована в словаре для данной лексемы X. Нам нужно знать, что этажи упорядочены, и что это упорядочение происходит, как правило, с помощью порядковых числительных, что квартиры в доме нумеруются, и обычно с помощью количественных числительных, что дома могут иметь составные номера вида $\frac{2}{3}$ (*два дробь три*) и т. д. В этом отношении номер неотличим от имени (или названия), и его можно считать одним из вариантов заполнения автономной валентности при определенных лексемах. Это подтверждается, помимо прочего, теми вопросно-ответными парами с *какой*, где ответами служат номера: (39) — *В каком году был подписан первый Версальский мирный договор?* — *В 1783.* (40) — *В какой декаде состоится гастроли Берлинского симфонического оркестра?* — *Во второй.*

Рассмотренные до сих пор диалоги объединяет то, что вопросительные переменные в них совпадали с семантическими переменными в толковании (сюда же относится и автономная валентность, если принять предложенную выше трактовку соответствующей информации). Для предикатных имен такое совпадение — наиболее частый случай, однако оно имеет

⁵ Впрочем, мы не склонны настаивать на валентностной интерпретации указанной семантической информации. Для нас более важно подчеркнуть сам факт необходимости ее отражения в словаре.

место дальнейшего развития имени X. у которых зато сколы держащих кой шар? структурными мы и Многие пара ческих пер Если услос ность и ж ходный, Т не выводя переменна тическую щих в его ние'. Буд чение пар: ность реа: ность и от образом в обоняние для получ димо зна: имени X —

Не сле связаны с роду. В ч: ных диалс областью ких тяже карственн таллов. (4 Основными являются

Возни таллов и з дения о зе оказываю: кой. Ввид: характера этом имен обратную

Имена, естественн и предика лекции, с роспительн мп» и «ви лентность держания бирателя («О вреде: обще гово ной перем

— Конеч-
тата Вы
рика вы-
я фабри-

) наиболее
ографиче-
подобные
е делен-
и й. По-
ным свой-
но в виде
ксеме X в
составить
ы назвать
мации как
еры с теми
овь встает
именами.
чае доста-

ь имен или
ые числи-
ава вторая
естве объ-
ешлено за
учайный),
аж обяза-
ют статус
го множе-
ома, подь-

порядоче-
дом имеет
чены мно-
ация о том
X, должна
кно знать,
к правило,
меруются,
огут иметь
нии номер
из вариан-
семах. Это
рами с ка-
сан первый
состоятся

осительные
в толкова-
ить предло-
предикат-
оно имеет

и указанной
необходимо-

место далеко не всегда. Множес-во вопросительных переменных предло-жения реально оказывается «шире» множества актантных переменных имени X. Это «расширение» достигается не только за счет имен предметов, у которых нет семантических переменных, отличных от автономной, но зато сколько угодно вопросительных (ср. разнообразие параметров, содержащихся в ответах на какой-вопрос с предметными именами). Ср. *Какой шар? — Голубой, круглый, резиновый* и т. п. Проблемы семантической структуры вопросительных предложений *Какой X?* с предметными именами мы коснемся ниже.

Многие предикатные имена тоже обладают тем свойством, что количество параметров, встречающихся в ответах, превосходит число семантических переменных толкования. Рассмотрим, к примеру, слово *аппетит*. Если условно принять в качестве толкования этого слова текст: «способность и желание X принимать пищу», то тогда ответы *Отличный, Превосходный, Так себе* и под. на привычный вопрос врача *Какой у вас аппетит?* не выводятся из валентной структуры лексемы. Искомая вопросительная переменная обнаруживается при более глубоком проникновении в семантическую структуру имени *аппетит*: она появляется при анализе входящих в его толкование семантических предикатов «способность» и «желание». Будучи параметрическими, эти предикаты имеют валентность «значение параметра» [21]; см. сочетание *умеренный аппетит*, где эта валентность реализована: *умеренный аппетит* \approx «относительно слабая способность и относительно небольшое желание принимать пищу». Подобным же образом ведут себя и имена чувств: зрение (\approx «способность X видеть»), обоняние (\approx «способность X воспринимать запахи») и пр. Таким образом, для получения множества правильных ответов на вопрос с *какой* необходимо знать валентностную структуру предикатов в составе толкования имени X — переменные по этим валентностям тоже будут вопросительными.

Не следует, однако, думать, что вопросительные переменные всегда связаны с валентностями. Они могут иметь и принципиально иную природу. В частности, особо хочется остановиться на случаях, представленных диалогами (41) и (42). В них вопросительная переменная имеет своей областью значений множество видов имени X: (41) — *Из каких тяжелых металлов готовят лекарственные препараты? — Лекарственные препараты готовят из висмута, золота, свинца и других металлов.* (42) — *Какая малина подвергается промышленной переработке? — Основными промышленными высокоурожайными сортами малины в СССР являются «Усанка», «Новость Кузьмина» и «Мальборо».*

Возникновение таких ответов обусловлено наличием у тяжелых металлов и малины видов или разновидностей (сортов, родов). Вообще, сведения о закрепленных за данным объектом видах, породах, сортах и т. п. оказываются необходимыми для синтеза вопросно-ответных текстов с *какой*. Ввиду постоянного, раз и навсегда закрепленного за данным именем характера этой информации, ее, видимо, следует хранить в словаре при этом имени; например, ее можно представить как лексическую функцию, обратную лексической функции Genet (ср. [21]).

Имена, члениющиеся на виды, бывают как непредикатные (ср. имена естественных, или натуральных, классов — *растения, животные...*), так и предикатные (ср. *выступление*: к видам выступлений относятся доклады, лекции, сообщения и др.). Для предикатного имени разница между вопросительными переменными двух типов, — так сказать, «валентностными» и «видовыми» — особенно заметна. Лексема *выступление* имеет валентность субъекта (*выступление главы правительства*), валентность содержания (*выступление в защиту мира*), адресата (*выступление перед избирателями*); можно говорить об автономной валентности этой лексемы («*О вреде курения*»), и ответить на какой-вопрос с этим словом можно, вообще говоря, заполнив любую из них, ставя в соответствие вопросительной переменной семантическую. Можно, однако, ответить на какой-воп-

рос со словом *выступление*, указав в ответе его вид. Конкретные виды выступлений не являются при этом именами, заполняющими валентности слова *выступление*. Поэтому, отвечая на вопрос *С каким выступлением вы едете на конференцию?* предложением *С кратким сообщением* (или: *С пленарным докладом*), мы заменяем именной группой вопросительную переменную другого сорта.

Аналогично валентностным вопросительным переменным видовые вопросительные переменные могут обнаруживаться в процессе анализа отдельных элементов толкования единицы *X*. Возьмем, например, в качестве *X* именную группу *музыкальный ансамбль*, которая, в первом приближении, обозначает 'группу лиц, созданную для совместного исполнения ими музыкальных произведений на музыкальных инструментах, <обычно функционирующую под руководством некоторого лица и, как правило, состоящую при некотором учреждении>'. Рассмотрим ее в составе вопроса *В каком музыкальном ансамбле он работал?* В ряду ответов на этот вопрос можно встретить *В ансамбле народных инструментов, В фольклорном, В хоровом*, где именные группы являются именами видов соответственно музыкальных инструментов, музыкальных произведений и исполнения <музыкальных произведений>. Коль скоро мы заносим в словарь при единицах *музыкальные инструменты, музыкальные произведения* и т. п. информацию об их членности на виды (с указанием основных видов), информацию, заведомо необходимую для полного описания этих языковых единиц, нам нет необходимости вторично приписывать ту же информацию слову *ансамбль*. Иными словами, мы можем считать, что здесь видовые вопросительные переменные находятся в структуре вопроса не при самой лексеме *X*, а при отдельных элементах в составе ее толкования.

З а м е ч а н и е (об именах оценочной семантики). Точно так же, как существуют имена, при которых в словарь должна быть обязательно занесена информация об их естественных подклассах, существуют и семантические типы имен, не способные вступать в родо-видовые отношения [14, с. 24—31]. К последним относятся, в частности, слова оценочной семантики. Так, с одной стороны, нет видов хамов, лоботрясов, свинств, и, с другой стороны, оценочные имена сами не могут быть видовыми: сочетания *[злой волк]* и *[плохой фильм]* не обозначают ни отдельный вид волка, ни отдельный вид фильма.

Использование оценочных имен в функции видообразующих приводит к появлению прагматически не связанных диалогов, таких, как, например, (8) — (10). Ср. также диалог: (43) — *У меня сценарий. — Какой? — Хороший. — Я спрашиваю, какой: немой или звуковой.*

До сих пор рассматривались примеры вопросно-ответных пар, семантическая структура которых содержит вопросительные переменные двух типов — валентностные и видовые. Однако множество ответов на вопрос со словом *какой* не исчерпывается ответами, заполняющими эти переменные. В стороне остались ответы с дейксисом типа — *Вам какую квартиру?* — *Эту (Мне сюда, вон ту и под.)*. Здесь слушающий вместо того, чтобы предъявить в ответе дескрипцию некоторого конкретного объекта из множества выбора, предъявляет сам объект. При «дейктическом» ответе практически вся семантическая информация, которая необходима для построения обычных ответов, оказывается как бы лишней: отвечающий обходится простым указанием, и спрашивающий удовлетворен этим. С этой точки зрения механизм формирования ответа в случае дейксиса устроен значительно проще, чем в случаях, рассмотренных ранее, и поэтому для специалиста, занимающегося семантическим анализом вопросно-ответных структур, менее интересен.

Именно этим обстоятельством, в первую очередь, объясняется наше особое внимание к вопросам с отпредикатными именами. Ответы на такие

вопросы требуют предложения. Имена каждого рода образуют лингвистическую категорию

Помимо ответа на вопросы к материалу, на основе какой-либо проблемы. На практике существенно можно отметить вопросно-ответные пары, где в ответе соответственно с общей для всех (цвете), так в узкому лексикону о материале лиц; см. в этой магии, то сразу носится с эротическими?

Одним из вариантов. Можно считать, что она торжественная некая семантически валентности. *Какого цвета и ми п: — Какой*

Заметим, что, в вопросе параметров ее толкования (пожми структура о наличии

Такое решение вопроса вопросительного

Отдельной информацией, состав пара энциклопедическая нужна ли, и если информация о проблеме требует в результате так связь эротическое действие вопросительными именами

Итак, при постановке вопросительных разная лингвистического характера статусе вопроса, информация

⁶ Такого же типа имен, ср., напр

вопросы требуют, как мы убедились, глубокого анализа вопросительного предложения. Затрудненность для них дейксиса заставляет адресата вопроса каждый раз извлекать из вопросительного предложения всю разнообразную лингвистическую информацию, необходимую для ответа.

Помимо ответов с дейксисом вне рассмотрения остались также ответы на вопросы к именам предметов, хотя последние как раз и были тем материалом, на котором строились традиционные представления о семантике *какой*-вопросов как вопросов о признаке, качестве или свойстве предмета. Но и в этом случае такое описание оставляет нерешенными многие проблемы. Например, неясно, всякое ли качество или свойство оказывается существенным при выборе объекта из множества. Между тем необходимо отметить, что уже самый предварительный просмотр примеров вопросно-ответных пар, в которых вопрос ставится к предметному имени, показывает следующее. Подавляющее большинство составляют такие пары, где в ответе сообщается некоторая энциклопедическая информация, непосредственно связанная с данным именем. Эта информация может быть как общей для всех предметных имен (такова информация о размере, форме, цвете), так и более частного характера, т. е. относиться к некоторому узкому лексико-семантическому подклассу (такова, например, информация о материале для имен артефактов, о характере или нраве для имен лиц; см. в этой связи [22]). Если говорить об энциклопедической информации, то сразу возникает вопрос: каким образом эта информация соотносится с эротетически связанными переменными в структуре предложения?

Одним из вариантов решения этого вопроса может быть, например, такой. Можно считать, что в вопросно-ответных парах типа: — *Какими шарами она торгует?* — *Голубыми.* или: — *Какие чурки тащить?* — *Тащи круглые,* в ответе заполняется в а л е н т н о с т н а я вопросительная переменная некоторого опущенного в вопросе параметра (т. е. соответственно валентности имен *цвет* и *форма*)⁶, ср. синонимичные диалоги: — *Какого цвета шары (шары какого цвета) она торгует?* — *Голубыми* и: — *Какой формы чурки тащить?* — *Тащи круглые.*

Заметим, что, как и в ранее рассмотренных случаях, не выраженный в вопросе параметр может относиться не к лексеме, а к одному из компонентов ее толкования, ср. — *Какие стулья завезли?* — *Сизогнутыми ножками* (ножки стула составляют его неотъемлемую часть, и поэтому информация о наличии ножек должна входить в толкование лексемы *стул*).

Такое решение позволило бы не вводить в понятийный аппарат описания вопросительные переменные особого сорта.

Отдельной проблемой является и то, каким должен быть полный объем сведений, составляющих необходимую для построения вопросно-ответной пары энциклопедическую информацию. Необходимо также установить, нужна ли, и если да, то какого рода дополнительная к энциклопедической информация о предметном имени. Полное решение всех перечисленных проблем требует специального исследования. Мы полагаем, однако, что в результате такого исследования *какой*-вопросов с предметными именами связь эротетических переменных и семантической структуры имени в сфере действия вопроса станет столь же очевидной, как и для вопросов с предикатными именами.

Итак, при построении множества правильных вопросно-ответных пар с вопросительным предложением *Какой XР?* используется самая разнообразная лингвистическая информация, в том числе: информация презумптивного характера о существовании множества выбора, сведения о денотативном статусе имени (именной группы) в сфере действия оператора вопроса, информация о валентной структуре этого имени и его незаполнен-

⁶ Такого же типа информацию можно, вообще говоря, выделить и для отпредикатных имен, ср., например, информацию о времени осуществления данного действия.

ных валентностях, лексикографическая информация о наличии у объекта с именем *X* названия, о видах обозначаемого лексемой *X* объекта, сведения энциклопедического характера об имени *X* и совокупность сведений, касающихся отдельных компонентов толкования этого имени.

Приведенной информации оказывается достаточно для описания весьма представительного подмножества множества правильных ответов на вопрос со словом *какой*. Более того, с ее помощью на каждый отдельный вопрос удается получить широкой и семантически разнообразный набор правильных ответов. В результате, однако, встает новая проблема — проблема выбора из ряда альтернатив наиболее адекватного данной ситуации ответа. Удобным средством описания того, как производится этот выбор, может быть понятие *ц е л ь в о п р о с а*: зная цель вопроса, легко сузить множество правильных ответов до максимально адекватных данной ситуации. При синтезе вопросительного предложения цель следует представлять как особую семантическую или прагматическую информацию — так или иначе, без нее отвечающему трудно понять, что имеет в виду спрашивающий, что именно он хочет узнать; ср. два равновозможных ответа на вопрос *В какой магазин ты идешь? — В 86-й и: — За углом*. В то же время бывают случаи, когда цель вопроса не обязательно задавать эксплицитно в семантическом представлении вопроса. Например, при синтезе того же вопроса можно было бы ограничиться указанием на родовой денотативный статус слова *магазин* и тогда ответ *В продовольственный* показывал бы, что цель вопроса вычислена его адресатом однозначно.

Представляется, что понятие цели вопроса, необходимость которого отчетливо выявляется при анализе вопросно-ответных пар со словом *какой*, может быть полезно и при изучении других, более простых типов вопросно-ответных диалогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Валюсинская З. В.* Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979.
2. *Hull R. D., Keenan E. J.* The logical presuppositions of questions and answers. — In: Präsuppositionen in Philosophie und Linguistik/Eds Franck D. and Petöfi J. Frankfurt, 1973.
3. *Беллани П., Стилл Т.* Логика вопросов и ответов. М., 1981.
4. *Финн В. К.* Логические проблемы информационного поиска. М., 1976.
5. *Winograd T.* Understanding natural language. N. Y.— L., 1972.
6. *Travis L., Kellog C., Klahr P.* Inferential question answering. Santa Monica, Calif., 1973.
7. *Hull R. D.* Towards a logical analysis of questions and answers. M. A. thesis. Cambridge University, 1972.
8. *Рестан Л. А.* Синтаксис вопросительного предложения. Universitetsforlaget. Oslo, 1972.
9. Словарь русского языка/Под ред. Евгеньевой А. П. М., 1981—1984.
10. *Гвоздев А. И.* Современный русский литературный язык. М., 1973.
11. *Богуславский И. М.* О соотношении семантических и синтаксических свойств некоторых ограничительных частиц в русском языке: Автореф. канд. дис. М., 1979.
12. *Падучева Е. В.* Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения. — Научно-техническая информация. Сер. 2, 1979, № 9.
13. *Арутюнова Н. Д.* Номинация и текст. — В кн.: Языковая номинация: виды наименований. М., 1977, гл. 5.
14. *Гинзбург Е. Л., Крейдлин Г. Е.* Родо-видовые отношения в языке (таксономические операторы). — Научно-техническая информация. Сер. 2, 1982, № 8.
15. *Бульгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи. — В кн.: Аспекты семантических исследований. М., 1980.
16. *Крейдлин Г. Е., Рахилина Е. В.* Денотативный статус отглагольных имен I. — Научно-техническая информация. Сер. 2, 1981, № 12.
17. *Manor R.* Answers and other reactions. — Theoretical linguistics, 1982, v. 9, № 1.
18. *Hiz H.* Questions and answers. — J. Philosophy, 1962, № 59.
19. *Стросон П. Ф.* Идентифицирующая референция и истинностное значение. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике/Под ред. Арутюновой Н. Д. Вып. XIII. М., 1982.
20. *Падучева Е. В.* Семантика синтаксиса. М., 1974.
21. *Апресян Ю. Д.* Лексическая семантика. М., 1974.
22. *Вольф Е. М.* К вопросу о классификаторах признаков. — Филологические науки, № 2, 1982.